Сказки о Европе

Татьяна Дубровская

Татьяна Дубровская

Сказки о Европе

«Автор»
2026

Дубровская Т.

Сказки о Европе / Т. Дубровская — «Автор», 2026

Как правильно есть «новую» голландскую селёдку? Зачем русскому богатырю заносить незнакомую старушку на Триумфальную арку в Париже? Почему в «долбаном сказочном Брюгге» стоит провести три дня, а в неаполитанской церкви на дверях висит табличка со словом «Шпаргалка»?Эта книга — не скучный путеводитель с перечнем обязательных достопримечательностей, а сборник лёгких, живых, ироничных историй о путешествиях по Европе.

© Дубровская Т., 2026
© Автор, 2026

Содержание

О то панорама 6
Долбаный сказочный Брюгге 8
Камо грядеши? 9
Гуси, гуси! – Га-а-га 10
В беспорядке очереди 11
Же не манж па 13
Конец ознакомительного фрагмента. 14

Татьяна Дубровская
Сказки о Европе

В детстве мне на день рождения кто-то книгу подарил – «Сказки об Италии» Максима Горького. Оказалось, что это книга без сказок. Всё равно прочитала и название навсегда запомнила. Вот откуда «Сказки о Европе», которые и не сказки вовсе…

О то панорама

Путеводитель обещал захватывающие виды и нисколько не преувеличил. Круговая панорама, открывающаяся с крепостных стен замка Сант-Эльмо, и в самом деле была великолепной: пестрящий разноцветными фасадами и крышами Неаполь, мирно дремлющий в лёгкой дымке Везувий и сверкающий, сияющий, ликующий Неаполитанский залив с белоснежными пассажирскими судами и лёгкими птичками парусников на сливающейся с горизонтом лазурной глади.

А вот описывая музей Сан-Мартино, расположенный в бывшем картезианском монастыре у подножия замка, путеводитель слегка увлёкся и приписал авторству знаменитого скульптора Джузеппе Санмартино все 177 терракотовых фигурок вертепа Кучиньелло, что было, мягко говоря, не совсем верно. В любом случае, вертеп был прелестен, и мы провели возле него несколько условных, «вертепных» суток с нежнейшими рассветами и тающими закатами на искусно подсвеченном куполе неба позади вереницы легкокрылых ангелов.

«… проследуйте мимо золочёной кареты к террасному парку с дорожками, проложенными между виноградниками и соснами», – предложил далее путеводитель и, последовав этому совету, мы оказались в giardini pensili – висячих садах, разбитых на крутом склоне холма. Вдоволь нагулявшись по тенистым дорожкам, мы вышли на небольшую обзорную площадку и устроились любоваться видами на покрытой истёртыми изразцами скамье, прилепившейся к стене какой-то монастырской постройки.

Кроме нас в парке никого не было и, сидя на прохладных разукрашенных плитках, мы добрых полчаса строго следовали картезианскому уставу, предписывающему созерцание и уединение, пока не услышали чьи-то жизнерадостные возгласы, доносившиеся с нижней террасы.

Вскоре на вымощенной красным кирпичом дорожке парка, ведущей к смотровой площадке, появились трое – молодой человек и две девушки. Прежде чем вынырнуть из-под сомкнутых крон, они остановились возле какого-то, по-видимому, очень особенного дерева, и молодой человек стал что-то быстро говорить своим спутницам сначала по поводу этого дерева, а потом и по поводу ярко-алых цветов, растущих рядом. – «Si, si, si», – пели сирены, по-птичьи кивая головами и делая вид, что им интересно, но по этому виду было ясно, что они не понимали и половины услышанного и что, даже будучи полностью понятой, информация о растениях монастырского сада вряд ли оказалась бы для них интересной: уж очень рассказчик и его аудитория были разными.

Внешний вид мужчины и манера держаться однозначно говорили о его принадлежности к тем слоям общества, где забота о хлебе насущном утратила свою актуальность, как минимум, ещё пару поколений назад. Судя по всему, он был местным и жил здесь же, в Вомеро – самом престижном районе Неаполя. Бесспорностью своего вхождения в круг лиц, которые никогда не читают ресторанное меню справа налево, он напомнил мне увиденных неделей ранее молодых римлян, которые весело вкатились на своих винтажных авто на млеющую под полуденным солнцем Площадь Мальтийских рыцарей и остановились там, чтобы подождать отставшего товарища. Обласканные судьбой и женщинами, они обменивались шутками из сверкающих лаково-хромовых кабриолетов, а их подружки сидели рядом и были роскошны.

Нашему неаполитанцу достались менее изысканные спутницы. Они никак не тянули на его подружек – не в такой одежде уж точно. На туристок они тоже не походили, ибо вместо очень функционального и, как правило, бесформенного на них было явно недостаточное и слишком обтягивающее, а вместо непременных рюкзачков или сумочек у них не было вообще ничего.

Девушки подошли к парапету и, оценив открывшийся взору вид, одна из них певуче воскликнула: «О то панорама!» Постояв там минутку, она вернулась к молодому человеку и, сформировав соблазнительный изгиб, присела на ручку его кресла, а он взглянул на нее снизу вверх, как три тысячи лет назад смотрел привязанный к мачте Одиссей на поющую над его головой Партенопу, и чуть заметно улыбнулся. Когда она встала, он нажал кнопку, и его инвалидная коляска плавно покатилась к выходу по ребристым, уложенным «в ёлку» кирпичикам. Сирены привычно зашагали следом. Их обязательная ежевечерняя прогулка подходила к концу…

Долбаный сказочный Брюгге

«Брюгге – дыра», – убеждённо произнёс один из киллеров и сделал брови домиком. «Рэй, ты самый хреновый турист в мире», – сказал ему напарник…

Фильм Мартина Макдонаха стоил того, чтобы его пересматривать. Каждые два-три года и уж, конечно, перед тем, как самим отправиться в сказочно-красивый средневековый город, ставший одним из главных действующих лиц культовой трагикомедии. Мы посмотрели «Залечь на дно в Брюгге» за день до вылета и, обновив картинку, добавили в свой план поездки еще пару мест. Это не был тур выходного дня, такой популярный среди миллионов туристов, внезапно открывших для себя столицу Западной Фландрии. Наше путешествие должно было начаться в Брюсселе и, пройдя по довольно извилистому маршруту, завершиться в Амстердаме две недели спустя.

Фабьен, хозяин брюссельской квартиры, передавая ключи от входной двери, решил вступить с нами в беседу и, сняв с полки большую картонную коробку с буклетами, стал советовать, что стоит посмотреть в его городе и куда ещё можно съездить в его стране. Мы вежливо выслушали подробные рекомендации и представили на его одобрение собственный план, сообщив, между прочим, что после Брюсселя собираемся провести три дня в Брюгге.

Предусмотрительно выждав, когда с улиц, площадей, мостов и каналов Брюгге схлынут волны туристов выходного дня, мы прибыли в этот город в понедельник и до четверга жили в нём, как зачарованные – неторопливо и благостно, успев при этом посетить и посмотреть всё, что было задумано, включая даже некоторые экстра, вроде не предусмотренных основной программой «альковов» парка королевы Астрид с той самой скамьёй, на которой бедолага Рэймонд сделал попытку покинуть «долбаный» Брюгге навсегда.

Фабьен был франкоязычным, и поэтому, когда мы завели речь о Брюгге, он сначала уточнил: «Брюж?», а потом удивился и стал нас отговаривать. «Ну что там делать целых три дня? Брюж ведь вот такой всего», – и он замкнул кружок большими и указательными пальцами. Дыра, что ли, Фабьен? Ты бы ещё брови сделал домиком…

Камо грядеши?

Парижский музей Клюни не был обязательным к посещению и проходил под грифом «может быть, если…», но когда все «если» складываются как пазл – и по пути, и времени достаточно, и в карту музейную входит, то: «Там “Дама с единорогом”! Рог единорога! Конечно, хочу! Ура! Идём!»

Рог единорога (нарвала, вообще-то) был обнаружен почти сразу, а вот с дамой как-то не задалось. Шесть шпалер должно быть – пять чувств и «По моему единственному желанию». И зал для них отдельный… И где? Весь музей обыскали – нет дамы. Пришлось сдаваться служителю: «У*?», так сказать. «О Жапо**», – ответствует. – «???» – «Японские специалисты помогают с реставрацией. Через полгода вернём и даму, и единорога. Приходите через полгода, мадам».

Вздохнули и на выход. Комната какая-то на пути, из неё двери в разные стороны. За нами – ещё одна семейная пара. Муж в сандалиях, шортах светлых. Такой положительный. Сразу видно, что за всё отвечает – и за деньги-документы, и за фото, и за воду питьевую. А жена, что совсем уж было согласилась идти к выходу, вдруг отделилась от него и щукой метнулась в противоположную сторону, в другую дверь, за которой, ну, конечно, именно за этой, наконец – прекрасная дама и её верные спутники, единорог и лев, с добрыми-предобрыми глазами…

– Куда ты идёшь туда опять? Софа, что ты творишь вообще? – в полном отчаянии возопил покинутый супруг. – Я туда не пойду, – добавил он твёрдо, и, испустив горестный вздох, двинулся следом.

А в Версале, другой, тоже положительный, заглянув в следующий зал, где пчелиным роем колыхалась и гудела толпа туристов, остановился в проходе и заявил очень убеждённо и весьма убедительно: «Это безумие туда идти!». И кто его послушался?

* Où (фр. – где?)

** Au Japon (фр. – в Японии)

Гуси, гуси! – Га-а-га

Гусей в Гааге мы не встретили. Утки и лебеди были – на дворцовом пруду с фонтаном. Щегол был – на картине Фабрициуса в галерее Маурицхёйс. Чайка ещё была – морская, огромная. Правда, мы её не сразу заметили: нас тогда рыба больше интересовала, а конкретно – селёдка. И не просто селёдка, а непременно «девственная», до нереста, матье называется.

Мы приехали в Голландию в начале сезона «новой» селёдки и решили отведать этот деликатес в рыбном павильончике в самом центре столицы. Выбор не был случайным. Вопрос о том, где продается самая вкусная матье, подробно изучался заранее. Заодно были получены сведения о традиционном способе поедания «малосольного золота» и прочие ценные советы, один из которых в своё время даже вызвал улыбку, но, к сожалению, затерялся в ворохе другой информации.

Очередь оказалась не очень длинной, но вполне достаточной для того, чтобы понаблюдать за ловкими движениями продавцов, изучить меню и прочитать о том, что не следует выходить с едой за пределы палатки. Ну ясное дело: парламент рядом, нельзя мусорить.

А вот и матье на картонке – две пластиночки нежнейшего филе скреплены хвостиком, сверху лучок мелко порезанный. Есть решила по-голландски: голову запрокинуть и, держа рыбку за хвостик, опустить ее в рот. Ну как такой аттракцион не сфотографировать? В павильончике люди, неудобно. На улицу один шаг сделала, приготовилась... И тут мне на голову обрушился навес. Я собралась падать, но не упала, а когда открыла глаза, обнаружила, что навес был на месте, зато селёдка исчезла без следа. «Чайка», – сказал муж, и в то же мгновение я вспомнила, почему нельзя было выходить с едой наружу.

От ещё одной «новой» селёдки я отказалась наотрез. Наглая чайка меня и напугала, и обидела. Но больше всего я на себя сердилась: как же так, табличку увидела и вместо того, чтобы полезный совет вспомнить, своё собственное объяснение придумала, совсем бесполезное.

На обратном пути мы опять оказались возле рыбного киоска. Досада моя к тому времени поутихла, возле прилавка никого не было, и я решила повторить. Всё, кроме выхода на улицу.

Ем я рыбку, а моя обидчица прямо перед павильоном стоит и смотрит. Хищно так, цепко. Прикидывает, как бы изловчиться и опять у меня селёдку отобрать.

– Ну уж нет, на этот раз ничего не выйдет. Не стой зря!

Всё равно стоит. На лапах своих перепончатых. Крылья сложены культурно, по голове моей не хлещут, а во взгляде – сплошное «есть хотите? – да-да-да!».

– Ладно, сейчас что-нибудь в рюкзаке для тебя поищем, клептопаразит ты лапчатый...

В беспорядке очереди

Испанский стыд я испытала в Италии, возле Замка Святого Ангела. В тот день в замок пускали бесплатно, и поэтому очередь была длиннее и толще обычного. Сытым пёстрым удавом протянулась она вдоль набережной Тибра, медленно и лениво вползая в ворота замка по мере того, как его покидали уже завершившие осмотр туристы.

Удав был спокоен и, в общем-то, не требовал развлечений. Однако молодая арфистка считала иначе. В чём-то раздражающе красном, она стояла возле своего сверкающего золотом инструмента и, ловко перебирая пальцами, извлекала из него весёлые, набившие оскомину популярные мелодии, улыбаясь и призывно взглядывая на очередь.

Полусонный удав реагировал плохо. И оттого хотелось поскорее продвинуться вперёд, чтобы не испытывать чувство неловкости и за арфистку, которая намного лучше смотрелась бы не на залитой солнцем булыжной мостовой, а в прохладном концертном зале (два изогнутых стана, прозрачный перелив струн), и за не очень отзывчивую, скуповатую очередь, которая почти не обращала на неё внимания. Уже стали возникать характерные для «слабого звена» внутренние колебания и желание нарушить данное себе же обещание избирательно относиться к уличным музыкантам, актёрам и профессиональным нищим, опуская деньги в их футляры, шляпы и протянутые руки только по собственному движению души. Однако все эти извилистые размышления об арфистке были прерваны неожиданным появлением нового соседа.

Как этот ушлый товарищ понял, что именно здесь его не станут гнать из очереди, не знаю. Ничего не говоря, он пристроился сбоку и стал преувеличенно-увлечённо изучать на своём планшете карту Рима, а потом ответил на телефонный звонок, и стало ясно, что он не собирался бродить по замку в одиночестве. Несколько минут спустя на траверзе появились и прислонились к парапету три ярких женщины. Так вот, значит, каким был план: выждать, пока вход не окажется совсем близко, и свистнуть своих, а там уж как получится. Народ может повозмущаться, конечно, на разных языках, но силой из очереди вытаскивать вряд ли будут.

Стоит он со своим планшетом, притворяется нашим спутником, а те трое, как птицы хищные, следят, когда будет дан знак слетаться. Пока только по телефону с ушлым переговариваются, обсуждают дальнейшие планы. Стыдно за них, неприятно, но опять же… Мы в Риме не в первый раз и не наскоком, а они мечутся по городу как скаженные, галочки ставят. Честным путём в замок им не проникнуть: дело к закрытию, а проникнуть так хочется, бесплатно к тому же. И не выдержало звено слабое: «Девочки! Ну что вы там стоите, прохлаждаетесь? Идите в очередь! Скоро нас запустят», – и рукой махнула им приглашающе.

Подошли удивлённые, встали. Пришлось ещё парой общих фраз обменяться, чтобы окружающие в совместность поверили. Зашли, наконец, в замок и расстались с облегчением. Осадок неприятный остался, конечно. Добровольно в чужой хитрости поучаствовала, целый спектакль разыграла. Для чего, спрашивается. Чтобы им помочь? Скорее себе, пожалуй. И без того за ушлого «соседа» было стыдно, а если бы ещё и скандал-позор на входе, с разоблачением и изгнанием? Выходит, стала соучастницей, чтобы за них не стыдиться. Предпочла, чтобы стало стыдно самой. Очень запутано, но именно так оно и было.

А как хорошо, когда всё гладко и весело! И когда вместо хитрости и нахальства – смекалка и находчивость, как в сказке.

Давний друг моего мужа и сам как из сказки, а точнее – из былины. Красавец-богатырь, на печи не лежал, карьеру сделал в очень серьёзной, мужской такой организации. Много лет за границу нельзя было, а как стало можно, тут же отправился с женой, тоже красавицей, в путешествие по Европе.

Автобусный тур назывался «Сказочная Европа», и после Варшавы, Праги и Амстердама добрались они «на машине с каросиновым двигателем» до «городу Парижа», где и Лувр, и Нотр-Дам, и арка Триумфальная. Только «странная дама-экскурсовод» за целых три дня к арке так и не вывела: «Где угодно, куда угодно, только не к арке». В последний парижский день экскурсантам дали чуть больше часа свободного времени на магазины, и «чтоб всем вернуться в срок». Автобус на площади Согласия, до арки два километра. Если бегом, вполне успеть можно.

Жена на такой кросс не подписалась, сказала, что лучше фотографии посмотрит. И действительно, нагрузка не для дам. Побежал один, быстро. Вихрем пронёсся по Елисейским полям, огибая вальяжно фланирующих прохожих. Добежал, сфотографировал всё снизу – красота! Вот бы ещё и наверх подняться, посмотреть, как разбегаются с площади Звезды яркие лучи парижских улиц. Только эта задача оказалась не из лёгких...

- Билеты, чтобы подняться наверх, уже не продают. Заходила последняя партия китайцев, и их сильно никто не считал. В конце весёлой толпы (в основном, в розовом) плелась старушка, и по её виду было понятно, что она хочет, но не может. Решение пришло как-то само собой. Загреб её под своё крыло, она тут же воспрянула и быстро-быстро пошла вперёд.

- А как ты вступил с китайцами в контакт и уговорил поручить тебе старушку?

- Кто их спрашивал? Главное было увесисто посмотреть и притянуть её к себе (ласково обнять и мотнуть головой, что пойдём вместе). Винтовую лестницу пришлось бы преодолевать долго, поэтому для ускорения процесса старушка бережно, с её молчаливого согласия, была взята на руки и поднята на смотровую площадку. Благо, весила она килограммов 45, не больше. Наверху десять минут на фото, старушку на руках вниз и два километра бегом к автобусу. Успел, даже не сразу ещё поехали. Как-то раз эксперта-криминалиста тоже поднимал таким способом, только у неё ещё чемодан был, 25 кг дополнительного весу. Жуть. Сейчас бы этого точно не сделал. Хотя, кто знает…

Же не манж па

Во Франции связь с внешним миром была на мне. Муж стал зависимым и поэтому чувствовал себя неуютно. Осознавая потенциальные проблемы с произношением, он не пытался на ходу заучивать какие-либо новые слова и обходился только тем, что знал. А знал он то же, что и все – знаменитую фразу из «Двенадцати стульев».

В первый раз «мосье, же не манж па сис жур» прозвучало в булочной, куда мы отправились утром за свежими круассанами. Второй раз, более уверенно, в небольшом кафе. Пришлось напомнить («Тише! Тише!»), что мы, вообще-то, во Франции, где народ и понятия не имеет о бессмертном произведении Ильфа и Петрова и где эту, хоть и неправильно слепленную фразу франкофоны могут-таки понять. И тогда был задан вопрос: «А как правильно?».

– Потом расскажу, – пообещала я, – не за едой же.

Это «потом» наступило в вагоне пригородного поезда. Нам нужно было проехать всего три остановки, и мы заняли места недалеко от выхода. Каким-то образом в разговоре опять всплыло «же не манж па», и фраза, не совсем умело подготовленная для попрошайничества «бывшим депутатом Государственной думы», была, наконец, исправлена.

– Как, как? – с подозрительным интересом переспросил муж и сверкнул глазами.

– Ну уж нет! Я тебя выучу, а ты потом возьмёшь и применишь.

– Да ладно! Учи! Нужно ведь знать, как правильно.

Учёба шла весьма интенсивно, и скоро мой ученик уже вполне сносно мог артикулировать на французском: «Месье, я не ел шесть дней». Закончив урок, мы встали, чтобы приготовиться к выходу. И тут уж я сама вспомнила, что мы, вообще-то, во Франции. Да и как не вспомнить: практически все пассажиры уставились на нас с нескрываемым интересом. Похоже, они гадали, кто из нас двоих собирается пойти по вагону с протянутой рукой.

После этого мужу разрешалось произносить только одно, им же самим придуманное «французское» слово – «синрикё». Вторую часть названия японской тоталитарной секты он ввел в обиход после моего восторженного: «Сакре-Кёр!» (с двумя грассированными «р»), когда я увидела белые купола базилики Святого Сердца из окна нашей съёмной квартиры. Сначала «синрикё» применялось для разминочного подтрунивания за завтраком, а затем стало использоваться прилюдно, например, на Монмартре, возле белокаменной Сакре-Кёр, несмотря на опасливое «Тише! Тише! Японские туристы рядом». Хорошо хоть про шестидневное голодание молчал, разбойник этакий.

В Италии ситуация была иною. После первой поездки в эту страну муж начал учить итальянский, а во время второй стал основным переговорщиком с местным населением и как-то раз даже был принят почти за своего.

В тот вечер, после ужина на Пьяцца де Ренци, мы еще немного погуляли по узким улочкам Трастевере и вышли на остановку трамвая, который должен был перевезти нас на другой берег Тибра. Ждущих «восьмёрочку» было немного – в основном припозднившиеся туристы, и поэтому мы сразу заметили молодого человека в майке с эмблемой местного футбольного клуба и воздушным шариком в руке. Он был явно воодушевлён результатом игры своей команды и, уже неплохо отпраздновав победу, решил приобщить к своей радости ничего не подозревающих иностранцев.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.